

**ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭКВИФИНАЛЬНОСТЬ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ
КАК ПРОЯВЛЕНИЯ ДИАЛОГИКИ ТЕКСТОВ:
ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ**

С.Б. Кураш
(Мозырь, Беларусь),
О.Н. Хаками
(Гейдельберг, Германия)

В статье делается попытка соотнесения двух близких, но не идентичных явлений, связанных с глобальным диалогом текстов – интертекстуальности и литературной эквифинальности. Показано, что литературная эквифинальность и интертекстуальность при всём их различии нередко имеют общие зоны и не всегда чётко отделимы друг от друга.

Понятно, что семантическое наполнение двух различных текстов не может совпадать полностью (исключение – плагиат). «Даже прошлые, то есть рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершёнными, конечными) – они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога» [1, 373]. Поэтому художественные тексты не могут обладать полной тождественностью, не могут в принципе быть «синонимичными» [2].

Вместе с тем очень часто «продуцируемый текст вторяет (архетипическую) тему сопряженных с ним претекстов» [3, 60]. Вследствие этого диалогизирующие тексты могут развивать какую-то общую для них тему или реализовать один и тот же образ, но прямым доказательств их интертекстуальной взаимозависимости (т.е. деривационных отношений «исходный текст – порождённый на его основе текст») не имеется. Данный тип текстовой диалогии определяется И.П. Смирновым как «литературная эквифинальность» [3].

И.П. Смирнов в качестве иллюстрации литературной эквифинальности приводит диалогические отношения текстов стихотворений Б. Пастернака «Венеция» и К. Павловой «Паров исчезло покрывало...», которые основаны на сравнении Венеции с женщиной. Ученый указывает на сходства в содержании данных текстов, но вместе с тем отмечает, что интерпретация диалога этих стихотворений как интертекстуального «будет беспочвенной, поскольку в «Венеции»-2 нет ни одного следа, который указывал бы на то, что предпринятая автором тематизация изображаемой реалии была достигнута им в результате рекреативной работы, проделанной над текстом Павловой» [3, 61]. Это дает основание И.П. Смирнову подчеркнуть, что интертекстуальные исследования должны помещаться в «ограничительные рамки, которые, хотя и не гарантируют безошибочности при определении источников, но, тем не менее, избавляют от понимания литературного произведения как структуры, разомкнутой для «вчитывания» в нее все новых и новых – убегающих в бесконечность – претекстов» [3, 62]. Иными словами, есть все основания для разграничения интертекстуальности как прагматически ориентированного приема и неосознаваемой интертекстуальности [4, 57].

Вместе с тем не подлежит сомнению, что тексты, обладающие сходными элементами, основанными на некотором общем архетипе, все равно ассоциативно связаны друг с другом. Между текстами, основанными на общем прообразе, или архетипе, возникает «относительное равенство». В связи с этим Н.Н. Белозерова рассматривает архетип как некий логический конструкт, существующий на подсознательном уровне и «управляющий стремлением человека уподоблять созданные

им произведения либо явлениям природы, либо ранее созданным произведениям» [5, 107]. Именно здесь и возникает «общая зона» эквифинальности и интертекстуальности, о глубинной природе которой (состоящей в их связи с коллективным бессознательным) писал А.А. Леонтьев: «Свойство архетипа к актуализации в художественном творчестве даёт основания признать его (архетип) основным элементом коллективного бессознательного, которое адекватно интертекстуальности, причём интертекстуальности в том значении, которое придавали термину представители школы постструктурализма, т.е. своего рода коллективного бессознательного, существующего до конкретного нового текста, в свою очередь существующего вне личностной воли автора, который является скорее проводником архетипических образов из бессознательного уровня объективно-психологического бытия в сферу художественной реальности» [6, 100].

Обратимся к конкретному материалу – сравним образ песчинки в стихотворениях М. Ломоносова «Вечернее размышление о Божием Величестве при случае великого северного сияния», Ю. Левитанского «У радиоприемника», А. Вознесенского «Морше О Пюс» и др.: *Песчинка как в морских волнах, / Как мала искра в вечном льде... / Так я, в сей бездне углублен... [7, 48–49]; Я песчинка. Я затерян во Вселенной, / и Земля никак не может без меня [8, 85–86]; Не пишите! / Мы в истории / хоть на несколько минут, / Мы песчинки... [9, 532].*

Данный образ – несомненно, архетип, а поэтому нельзя достоверно определить текст-источник этого образа, а следовательно, говорить о выраженных маркерах интертекстуальности. Но в то же время нельзя и отрицать интертекстовой диалог между данными текстами. В них прослеживается развитие ключевого концепта от «Я» к «МЫ», при этом сохраняется общее смысловое ядро – соотнесение человека с песчинкой, указание на его незначительность, незащищенность, зависимость от внешнего мира.

Концепт незначительности человека посредством концептуальной метафоры, основанной на семантической модели «часть – целое», раскрывается и во многих других текстах русской поэзии: *Мы – только атомы жизни случайные, / Мира печального гости минутные* (Д.М. Ратгауз, «Все мы – несчастные» [10]); *Двигается машина / Общего труда. // Винтик очень малый – / Я в машине той. / К вечеру усталый, / Я сижу босой* (Ф. Сологуб, «Что моя судьбина» [11]); *Нет, люди – это бедные микробы – / Друг с другом борются, полны / Нелепой зависти и злобы* (А.Н. Апухтин, «Из бумаг прокурора» [12, 330–336]); *...жизнь льется как поток, / И, на ее волнах мелькнувший пузырек, / Ты лопнешь, падая а пространство без небес* (Я.П. Полонский,

«Век» [13, 145]); – *Нет, я такой же, как и все – / Такая ж спица в колесе, / Которое само не знает / И не ответит – хоть спроси, – / Зачем оно в пыли мелькает, / Вертясь вокруг своей оси...* (Я.П. Полонский, «Ответ» [14, 239]) и др.

В подтверждение наших рассуждений сошлёмся и на следующий пример. В.Б. Смиренский рассматривает диалогические отношения трёх классических переложений оды Горация «К Мельпомене» (XXX ода книги III): М.В. Ломоносов (1748), Г.Р. Державина (стихотворение «Памятник», 1795) и А.С. Пушкина («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», 1836). Ход его рассуждений таков: если не вдаваться в нюансы, смысловая идентичность данных поэтических текстов налицо (в терминологии когнитивной лингвистики – один и тот же фрейм; в терминологии литературоведения – один и тот же сюжет). Вместе с тем исследователь доказывает и наличие интертекстуальных связей данных текстов, маркированных определённым образом [см.:15].

Такие примеры говорят в пользу того, что литературная эквивалентность и интертекстуальность имеют некоторые общие зоны и не всегда чётко отделимы друг от друга.

Подобных примеров можно привести ещё достаточно много.

Именно в силу архетипичности в данный тип отношений могут объединяться и тексты разных языковых

кодов, разных национальных литератур. В частности, общность многих ценностных ориентиров русской и белорусской культуры ведёт в восприятии билингов к установлению таких семантических переключек между текстами русских и белорусских авторов. Таких примеров можно обнаружить немало, вот лишь некоторые из них: *Скажи: / Какой ты след оставишь? / След, / Чтобы вытерли паркет / И посмотрели косо вслед, / Или / Незримый прочный след / В чужой душе на много лет?* (Л. Мартынов, «След» [16, 106]) – *Ўсё павінна след пакінуць / Бо, як пачаўся белы свет, / Прамень, / пясчына / і расіна / Нязменна пакідаюць след. / ...Не забывайцеся ж, / якія / Вы пакідаеце сляды* (П. Броўка, «Сляды» [17, 305]); *На дрэве чалавечества высоком / Ты лучшим был его листом, / Воспитанный его чистейшим соком, / Развит чистейшим солнечным лучом!* (Ф. Тютчев [18, 64]) – *Я – інтэрнацыяналіст / І ў шумнай кроне чалавецтва / З тутэйшае галінкі ліст.* (Р. Барадулін, «У кроне чалавецтва» [19, 52]) и др.

Таким образом, между данной группой текстов возникают архетипически обусловленные диалогические отношения, интертекстуальность которых напрямую не доказуема, но потенциально вполне вероятна в силу ассоциативной связи данных текстов, выраженной совпадением в первую очередь лексической образности.

Подобные примеры, на наш взгляд, правомерно относить хоть и к периферийной, но всё же зоне интертекстуальности.

Литература

1. Бахтин, М.М. К методологии гуманитарных наук / М.М. Бахтин // Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – С. 361–373.
2. Лукин, В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В.А. Лукин. – М.: Изд-во «Ось-89», 2005. – 560 с.
3. Смирнов, И.П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака / И.П. Смирнов. – СПб.: Языковой центр СПбГУ, 1995. – 191 с.
4. Кураш, С.Б. Интертекстуальность как парадигма / С.Б. Кураш // Текст: проблемы изучения в вузе и школе: межвузовский сб. науч. трудов. Выпуск 1. – Пенза: ПГПУ, 2002. – С. 53–59
5. Белозерова, Н.Н. Семиолингвистические аспекты интегративной поэтики (на материале русских, английских и ирландских художественных текстов): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Н.Н. Белозерова. – Тюмень, 2001. – 352 с
6. Леонтьев, А.А. Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности / А.А. Леонтьев // Текст. Структура и семантика. – М., 2001. – Т. 1. – С. 92–100.
7. Ломоносов, М. Сочинения / М. Ломоносов; вост., предисл. и прим. Е.Н. Лебедева. – М.: Современник, 1987. – 444 с.
8. Левитанский, Ю.Д. Когда-нибудь после меня... / Ю.Д. Левитанский. – М.: Изд-во «Х.Г.С.», 1998. – 608 с.
9. Вознесенский, А.А. Собрание сочинений: в 3-х т. / А.А. Вознесенский – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 2: Стихотворения и поэмы. Структура гармонии: рифмы прозы. – 543 с
10. Ратгауз, Д. Все мы – несчастные... [Электронный ресурс] / Д. Ратгауз. – Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/a/akulow_a_s/anto.shtml. – Дата доступа: 10.02.2005.
11. Сологуб, Ф. Что моя судьбина... [Электронный ресурс] / Ф. Сологуб. – Режим доступа: <http://www.litera.ru/stixiya/articles/668.html>. – Дата доступа: 26.02.2005.
12. Апухтин, А.Н. Полное собрание стихотворений / А.Н. Апухтин. – Л.: Сов. писатель, 1991. – 448 с.,
13. Полонский, Я.П. Лирика. Проза / Я.П. Полонский. – М.: Правда, 1984. – 608 с.
14. Полонский, Я.П. Лирика / Я.П. Полонский. – М.: Современник, 1990. – 287 с.
15. Смиренский, В.Б. Поэзия интертекста и глубина гипертекста / В.Б. Смиренский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Smirenskiy.htm>. – Дата доступа: 21.04.2005.
16. Мартынов, Л.Н. Избранные произведения: в 2 т. / Л.Н. Мартынов. – М.: Худож. лит., 1990. – Т. 1: Стихотворения. – 462 с.
17. Броўка, П. Збор твораў: ў 9 т. – Мінск.: Маст. літ., 1988. – Т. 3: Вершы, паэмы, 1954–1964. – 543 с.
18. Тютчев, Ф.И. Сочинения: в 2 т. / Ф.И. Тютчев. – М.: Изд-во «Правда», 1980. – Т. 1. – 384 с.
19. Барадулін, Р.І. Выбраныя творы: у 2 т. / Р.І. Барадулін. – Мінск: Маст. літ., 1984. – Т. 2: Вершы, паэмы, радкі дарог. – 335 с.